

МАКСИМ ПРИВЕЗЕНЦЕВ

ДИХРОЯ

18+

Дневники тибетских странствий

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Книги о путешествиях

Максим Привезенцев

**Дихроя. Дневники
тибетских странствий**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Привезенцев М.

Дихроя. Дневники тибетских странствий / М. Привезенцев — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Книги о путешествиях)

Роман-приключение о мото-путешествии в тибетский загадочный регион, которое состоялось в 2019 году. Экспедиция прошла по маршруту российского путешественника Гомбожаба Цыбикова в Тибет в начале 20 века. Цыбиков отправился в Тибет по заданию российского правительства под прикрытием буддиста-паломника. Гамбожаб сделал первые фотографии Тибета. Как изменился за 120 лет Тибет, и как поменялось его восприятие окружающими? «Так сложно свыкнуться с мыслью, что весь Тибет есть замысловатое переплетение реальности и вымысла». «Всего одно слово – «дихроя». Найдешь ее – и поймешь, что делать дальше. На этом – все». Содержит нецензурную брань.

© Привезенцев М., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

«Горная болезнь («горняшка» – сленг) – болезненное состояние организма человека, поднявшегося на значительную высоту над уровнем моря, которое наступает вследствие гипоксии (недостаточного снабжения кислородом головного мозга и тканей) и проявляется значительными изменениями во всех органах и системах человеческого организма. В редких случаях способна вызывать визуальные или акустические галлюцинации». psychologies.com

ПРОЛОГ

Сентябрь 2019 года

Петербургская библиотека Института восточных рукописей. Дарина. Дом на Мойке.
Андрей

– Цыбиков? – удивленно выгнула бровь Дарина, дама лет шестидесяти с белоснежными волосами, в лице которой любопытным образом сплелись азиатские и европеоидные черты. – Давненько я не слышала здесь эту фамилию... Обычно все обсуждают Козлова и Шмидта, а тут – Цыбиков... Вот те на...

Я пожал плечами и отпил чая из кружки.

Мы находились в петербургской библиотеке Института восточных рукописей, на тибетологических чтениях, и это был мой третий визит в хранилище старинных книг на берегу Невы. Хотя первый визит получился скорее странным, чем информативным, —

помню, я долго недоуменно смотрел на таксиста, который упорно утверждал, что мы приехали в нужное место. Отчего-то в моей голове не укладывалось, что нужная мне библиотека может находиться внутри такого красивого и старинного здания, больше подходящего для посольства или дома приемов госкорпорации.

Впрочем, табличка на входе подтверждала слова таксиста. Да и «гугл» беспощадно утверждал, что восточные рукописи хранятся не где-то, а именно в западном крыле Ново-Михайловского дворца – выдающегося памятника архитектуры на Дворцовой набережной.

«Значит, все верно».

Расплатившись, я поднялся на крыльцо, взялся за резную ручку и потянул дверь на себя. Войдя в просторную парадную – пусть немного побитую временем, но по-прежнему впечатляющую своими масштабами, – я уставился на мраморную лестницу, ведущую на второй этаж.

– Куда? – вдруг раздалось откуда-то сбоку.

Повернувшись на голос, я увидел хмурую бабушку, сидящую за стойкой вахтера.

– Хочу ознакомиться с рукописями Цыбикова.

Мой ответ, кажется, вызвал у бдительной старушки легкий ступор, но она все же нашла в себе силы задать новый вопрос:

– От какой организации?

Удостоверение Русского географического общества, продемонстрированное мной, вынудило ее выбросить белый флаг.

– По коридору направо, там вас встретят.

Старушка не обманула: там меня ждала еще одна вахтерская линия обороны, но здешняя «смотрительница» оказалась моложе и приветливей предыдущей: видимо, знала, что абы кого к ней просто не допустят. Я вкратце рассказал, что привело меня в библиотеку. Дама признала, что это звучит интересно, но замдиректора, Ольги Лундышевой, сегодня нет, поэтому лучший вариант из возможных – ей позвонить...

– А вы, к слову, любите чай? – перебила течение моих мыслей Дарина, снова возвращая меня из воспоминаний обратно на конференцию тибетологов.

Впрочем, ничего особенно интересного мне все равно не вспомнилось. Строго говоря, в первый визит больше ничего особо и не случилось – по телефону мы с замдиректора дого-

ворились, что шестого сентября я приеду для ознакомления с рукописями Цыбикова, и на том все закончилось.

– Вообще я больше по кофе, – признался я, подняв взгляд на Дарину, – и в чайном церемониальном мифотворчестве разбираюсь не особо.

– Ах, молодой человек, поверьте мне, взрослой даме, кофе и чай совершенно несравнимы, – с некоторой долей сожаления сказала Дарина. – Это как сравнивать, например, сигары и сигареты. Быстрое получение дозы никотина или медитация.

Она вздохнула.

– Впрочем, хорошего чая в Петербурге не найти, поэтому отчасти ваше увлечение этой черной горькой жижей вполне объяснимо...

Я смотрел на нее, мысленно пытаюсь понять, отчего она вообще со мной заговорила. Мы не были знакомы, просто оба пришли на чтения тибетологов, а во время чайного перерыва Дарина решила спросить, каких знаний я тут ищу. Мой ответ, как видно, ее удивил, но несильно – раз она так легко перескочила на другую тему.

– Возвращаясь к Цыбикову, – будто прочтя мои мысли, сказала Дарина. – Вы, конечно же, знаете про большую игру между Англией и Россией в начале прошлого века?

Фраза «вы, конечно же, знаете», похоже, была любимым клише всех сегодняшних докладчиков. Все – от местных экспертов до приезжих тибетологов, одетых по всем канонам буддистских монахов, – начинали подобным образом практически каждое предложение. При этом они будничным тоном сообщали о вещах, которые я даже написать правильно мог лишь с большим трудом. Однако все присутствующие чинно кивали, слыша это вот «вы, конечно же, знаете», чтобы лекторы вдруг не усомнились в их сопричастности к обсуждаемым здесь темам.

К счастью, в случае с «большой игрой» мне не пришлось изображать осведомленность, поскольку я действительно много читал о борьбе России и Англии за влияние на Тибет, Манчжурию и Северный Китай.

Дождавшись моего кивка, Дарина продолжила:

– Тогда вы наверняка знаете, что Бадмаев, Джорджиев и Цыбиков убеждали правительство в лице Сергея Юльевича Витте и Николая Второго в необходимости присоединения этих территорий к России. Но в то же время масоны Санкт-Петербурга – в частности Терещенко и Керенский – упорно доказывали, что попытка присоединения приведет к разрушению империи; виной тому недостаток ресурсов для подобной интеграции и удержания этих территорий. Как мы видим, победили масоны.

Губы Дарины тронула странная улыбка – будто она лично поддерживала Терещенко и Керенского.

– Ну, по мне, так, скорее, тут просто возобладал здравый смысл, – осторожно заметил я.

– Здравый смысл, молодой человек, – ухмыльнулась моя собеседница, – это совершенно абстрактное понятие. Не бывает ведь смыслов больных, верно?

Я медленно кивнул.

– Впрочем, я понимаю ваши сомнения. Давайте сойдемся на том, что победил один из возможных сценариев, а уж по какой причине – кто знает наверняка?.. Но мне кажется куда более интересным другое: есть целый ряд мнений, что на самом деле Цыбиков разделял позицию масонов и хотел оставить все как есть.

Я выгнул бровь.

– Честно сказать, никогда о подобном не слышал...

– И это неудивительно – от кого, кроме очевидцев тех событий, вы могли бы это услышать? – хмыкнула Дарина.

Она скользнула взглядом по экрану, висящему на белоснежной стене зала. Он смотрелся довольно чужеродно здесь, среди позолоченных фигур и иных предметов роскоши.

– Чай на самом деле является средоточием памяти поколений, – снова беззастенчиво сменила тему моя собеседница. – Его листья будто впитывают мудрость поколений... Кофейные зерна в этом плане куда более легкомысленны.

Я не успел собраться с ответом, а Дарина уже снова вернулась к предыдущей теме:

– Думаю, Максим, вам нужно остановиться на книге Цыбикова о путешествии в Тибет и тех фотографиях, которые он привез оттуда и которых полным-полно в интернете. Поверьте, найти оригиналы дневников будет непросто, и займет это слишком много времени... Но, заклинаю вас, обязательно ознакомьтесь с его трудами по лечебным травам. Поверьте, это принесет вам куда больше пользы, чем официальные дневники.

С ней трудно было не согласиться. Когда я приехал в библиотеку во второй раз, экскурсовод Ольга долго и увлеченно рассказывала мне и о самом Ново-Михайловском дворце, и об институте. Однако, когда речь зашла про Цыбикова, я узнал прискорбный факт: ни дневников, ни оригиналов фото в здешних архивах, к сожалению, нет – только (только!..) 330 томов книг, привезенных Цыбиковым из Тибета. Исходя из своего богатого опыта Ольга порекомендовала мне ознакомиться с трудами Якова Ивановича Шмидта, посвященными истории Тибета и тибетского языка, и я последовал ее совету, проведя в библиотеке весь день... Но, поскольку съемка была запрещена, я унес с собой лишь то, что сумел записать в свою тетрадь после чтения и общения с экскурсоводом – иными словами, не очень много. А сколько еще осталось мной не прочитано!.. Со слов Ольги, если десять сотрудников библиотеки будут ежедневно оцифровывать хранящиеся тут документы, им понадобится не менее 35 лет.

Теперь же, придя на чтения тибетологов, я понимал, насколько ценен совет Дарины. Поблагодарив ее, я уже хотел вернуться за стол, когда моя собеседница вдруг приблизилась вплотную и вложила мне в руку визитную карточку оливкового цвета с телефоном, напечатанным золотым шрифтом.

– Мойка, 114, – тихо сказала Дарина. – Там живет один мой хороший... знакомый. Позвоните по этому номеру, назовите имя архитектора этого дома и договоритесь о встрече. Рискну предположить, она запомнится вам куда больше, чем сегодняшние лекции наших уважаемых тибетологов.

После этой странной речи моя причудливая собеседница преспокойно вернулась на свое место. За весь оставшийся вечер она ни разу больше даже не взглянула в мою сторону и еще до завершения чтений покинула библиотеку, ни с кем не попрощавшись. Я же честно пытался сосредоточиться на лекции, но, к сожалению, выступления троицы посетивших библиотеку в тот день тибетологов оказались для меня действительно малоинтересными. Все, о чем они говорили, можно было разделить на то, что я уже знал, и то, что не понимал. Вдобавок ко всему моим умом то и дело завладевала мысль о визитке оливкового цвета и загадочных комментариях Дарины, и я постоянно отвлекался на совершенно посторонние мысли.

«О каком знакомом она говорит? Почему встреча с ним должна мне запомниться? Он тоже изучал Цыбикова? И при чем тут труды по лечебным травам?»

Дождавшись окончания лекций, я покинул библиотеку и отправился в ближайшее кафе, где так долго вертел оливковую визитку в руках, что заказанный двойной эспрессо успел остыть. Не знаю, чем были вызваны мои сомнения. Возможно, всему виной слишком странное поведение Дарины? Не знаю... Как бы то ни было, я все же набрал указанный в визитке номер, предварительно заглупив имя архитектора загадочного дома.

– Алло, – после череды длинных гудков сказал из трубки прокуренный баритон.

Перед моим внутренним взором моментально возник портрет пожилого лысого мужчины в одеждах монаха и с бесконечным спокойствием во взгляде серых выцветших глаз.

Я назвал фамилию архитектора, построившего дом 114 на Мойке. Возникла пауза.

– Вы от Дарины? – спросил голос наконец.

– Да.

– Давайте встретимся сегодня в три часа дня в «Ронни»? – сходу предложил голос. – Это кафе в Новой Голландии.

– Давайте, – помедлив, ответил я.

– Тогда до встречи, – сказал мой собеседник и сбросил вызов.

Я отложил телефон в сторону и, продолжая сверлить его взглядом, сделал глоток из чашки. Ситуация становилась все странней и странней с каждой секундой. С кем, интересно, меня свела судьба? С городскими сумасшедшими, которые повернуты на конспирологических теориях? Здравый смысл упрямо твердил, что этот ответ – наиболее верный, но интуиция – та самая, эфемерная, практически лишенная логики, – настаивала отправиться на встречу...

«С кем? Я ведь даже имени его не знаю...»

И тем не менее я решил съездить в Новую Голландию. Иронично, но мост, ведущий на остров, находился аккурат напротив кирпичного дома 114 на Мойке – особняка архитектора Шретера. На фасаде здания были изображены треугольник и циркуль – своеобразное клеймо хозяина. Вдоволь налюбовавшись остроконечными щипцами, мансардами и угловой башенкой, черепица которой напоминала чешую мифического дракона, я отправился в кафе «Ронни». Таксисту каким-то чудом удалось миновать легендарные питерские пробки, и я прибыл на пятнадцать минут раньше назначенного времени. В кафе на этот момент находился ровно один человек, и до той поры, пока он не улыбнулся и не помахал мне рукой, я искренне сомневался, что это – тот самый тибетолог, с которым мы условились встретиться.

Хотя бы потому, что парень, сидящий за столиком в «Ронни», напоминал самого обычного хипстера: темные волосы до плеч, кудлатая борода, клетчатая рубаша и подвернутые джинсы мало общего имели с тем портретом, что я себе нарисовал.

Подспудно ожидая подвоха, я подошел к его столику.

– Добрый день, – развеяв последние сомнения, сказал парень.

Голос был тот самый – прокуренный баритон.

«Это он. Без сомнений».

Парень тем временем встал из-за стола и протянул мне руку:

– Андрей, тибетолог.

Впервые наши взгляды встретились, и я с удивлением обнаружил, что у него глаза старика – серые и выцветшие.

– Максим, – представился я, пожимая Андрею руку.

Мы уселись за столик.

– Полагаю, вы удивлены? – с улыбкой заметил тибетолог.

– Удивлен, – не стал скрывать я. – У вас очень... взрослый голос. Поэтому я думал, вы будете... старше.

– Старше, моложе... – поморщился Андрей. – Возраст – это миф, как и любая другая конкретизация содержания. Все эти системы счисления придуманы лишь для того, чтобы хоть как-то привести в единство то, что видит глаз, и то, что осознает мозг.

Он протянул руку и взял со стола термос. Я удивленно захлопал глазами. Отчего-то мне показалось, что, когда я входил, на столе термоса не было – только две пустые чашки на блюдцах.

– Попробуйте и скажите, как вам, – сказал Андрей.

Он налил мне полную чашку, потом занялся своей. Я сделал пару глотков и к собственному удивлению подумал:

«Это... восхитительно».

Мне вряд ли хватило бы эпитетов, чтобы описать тот изумительный вкус. Скорее, тут следует сказать об ощущениях – после небольшого глотка по моему телу разлилось тепло, будто от хорошего виски, и я вдруг почувствовал себя совершенно спокойным, расслаблен-

ным. Голова моментально сделалась ясной, и поток мыслей, прежде спутанных, теперь обрел образцовый порядок.

– Можете не отвечать, – с прежней улыбкой сказал Андрей. – Ваше лицо и взгляд уже все сказали за вас. Я постоянно испытываю те же чувства, что и вы, хотя пью его каждый день на протяжении последних ста с лишним лет...

«Ста с лишним?»

Волшебный чай сделал меня удивительно спокойным, но все равно озвученная цифра вызвала во мне удивление.

«Двадцатипятилетний хипстер утверждает, что прожил больше ста лет... Что это – странная игра? Или в этом чае присутствуют какие-то особые травы, влияющие на сознание?»

Решив пока оставить странные слова моего собеседника без внимания, я сказал:

– Прошу прощения за «базарный вопрос», но... где вы покупаете этот чай? Я бы, пожалуй, приобрел немного...

– Увы, но этот чай не так-то просто купить, – покачал головой Андрей. – Да и стоит он недешево. Простите, я вас пока что толком не знаю, но многие люди, мне знакомые, очень быстро разорялись, поскольку хотели пить его постоянно...

– А что это вообще за чай? Откуда он? С Тибета?

– Да, это особый сбор тибетских трав...

Андрей достал из рюкзака, что стоял на стуле рядом с ним, небольшой шелковый мешочек и бросил его на стол.

– Можете взглянуть, если хотите.

Я развязал веревку, заглянул внутрь: крупные листья были смешаны с мелкими цветочными лепестками. Даже в сухом виде этот сбор пах очень вкусно.

– Такой не купишь в магазине. Меня лично им снабжают мои друзья, со многими из которых я познакомился еще до первой мировой...

Я вздрогнул. И снова мне стало казаться, что происходящее – не более чем сон, мало общего имеющий с реальностью. Решив не вмешивать жесткую логику в наш странный диалог, я спросил:

– Выходит, вы могли знать Гомбожаба Цыбикова?

– Почему – «мог»? – пожал плечами Андрей. – Я его знал.

Я замер, удивленно глядя на тибетолога исподлобья.

•••

Январь–апрель 1900 года

Монастырь Гумбум. Пророчество Лон-бо-чойчжона

Отвар грел ему губы, гортань и спасительным теплом разливался внутри.

– Гомбожаб! – окликнул его знакомый голос.

Цыбиков встрепенулся, оглянулся на кричавшего. Это оказался Ешей, один из паломников, к каравану которых прибился Гомбожаб. Ешей считался среди других членов отряда опытейшим путешественником, который бывал в Лхасе не менее девяти раз и отлично знал дорогу.

«Повезло мне оказаться рядом с такими людьми... без них путь был бы куда более трудным».

– Что пьешь, Гомбожаб? – спросил Ешей. – Опять свой чай?

– Его, да, – подтвердил Цыбиков, хотя ему самому отчего-то не очень нравилось такое именование его напитка.

«Чай... Тремя буквами трудно передать все составляющие этого чудного отвара...»

– Угостишь? А то холодно так...

– Угощайся, – пожал плечами Цыбиков и вручил Ешею свою глиняную уродливую кружку.

Глядя на то, как Ешей делает глоток и, зажмурившись, с наслаждением причмокивает, Цыбиков вспомнил, как вот так же стоял рядом с Федором Петровичем Савельевым, профессором Санкт-Петербургской академии наук в светлом кабинете с высоким потолком и окном, которое занимало практически всю стену. Тяжелые шторы ютились по углам; их, судя по количеству пыли, сдвигали к середине очень редко.

– Спасибо, что пришли, Гомбожаб Цэбекович, – сказал Федор Павлович.

Он выглядел, как в представлении Цыбикова и должен выглядеть профессор академии наук: с седой бородой и не слишком обширной прической, со строгими очками на кончике длинного носа и умными серыми глазами, которые смотрели немного устало – годы (а было Савельеву шестьдесят с небольшим) брали свое.

«Когда был молодым, наверняка горел, спешил, везде хотел успеть... слышан, слышан...» – подумал Цыбиков, а вслух сказал:

– Разве мог я проигнорировать ваше приглашение, Федор Павлович? Для меня огромная честь – оказаться здесь, в Санкт-Петербургской академии наук... но я все еще с трудом представляю, с какой целью вы могли позвать меня к себе.

– Мне не соврали насчет вас, – с легкой полуулыбкой невпопад заметил Федор Павлович. – Вы чрезвычайно тактичны... даже более, чем, возможно, следовало бы.

Он пожевал губу – украдкой, – тут же будто спохватился и перестал, а после сказал:

– Полагаю, вы тоже навели обо мне справки, прежде чем явились сюда? Это было бы вполне в вашем духе.

– Пожалуй, справки – это слишком сильно сказано, – пожал плечами Цыбиков. – Я о вас и без того много знаю, еще когда только поступал в университет, уже мне говорили про вас. Вы же известный востоковед. Читал ваши работы...

– Мне лестно, но давайте не станем тратить времени понапрасну, – поморщившись, поднял руку Федор Павлович. – Тем более что я не страдаю тщеславием, в отличие от некоторых моих коллег.

Он усмехнулся, и уровень напряжения, который был между гостем и хозяином кабинета, моментально спал. Савельев, кажется, прекрасно умел вести диалог.

– Важно, что мы оба, вы и я, востоковеды, – продолжил профессор. – И дело мое касается как раз-таки Востока, в частности – Тибета.

Гомбожаб, слышав, о каком месте идет речь, нахмурился. В ученых кругах Тибет давно и упорно именовали *terra incognita*, поскольку попасть туда было практически невозможно. Сколько запросов делала Санкт-Петербургская академия наук, подключала к делу Министерство иностранных дел... Все было тщетно. Тибетцы не хотели, чтобы посторонние вторгались в их жизнь – от слова «совсем».

– Вижу, вы настроены скептически, – заметил Федор Павлович. – И тому, безусловно, есть причины. Не стану лукавить, мы не добились разрешения на исследование Тибета. В этом отношении ничего не поменялось. Однако...

Савельев замаялся – видимо, даже ему, умудренному годами профессору, непросто было подобрать нужные слова. Цыбиков напрягся: он подозревал, что слова, которые прозвучат дальше, будут иметь несказанную важность.

– Однако мы все равно хотели бы отправить туда... отправить туда вас, – сказал Федор Павлович наконец.

Цыбиков остолбенел. В его понимании «отсутствие разрешения на исследование» значило, что исследователям ехать нельзя.

«Или я что-то не понимаю?..»

– Речь идет о... неофициальной поездке? – осторожно уточнил Гомбожаб.

– Пожалуй, можно сказать и так... – пробормотал Савельев.

Весь его былой задор мигом куда-то делся. Только что казалось, что он совершенно уверен в себе, и вот уже каждое слово Федор Павлович проговаривает осторожно, будто пред ним не человек вовсе, а дикий зверь, которого можно спугнуть неуместной интонацией или даже просто чуть повысив голос.

– Насколько мне известно, в училище вы отказались принять христианство, чем обрекли себя на лишение стипендии? – произнес Савельев, скорее, утверждая, чем спрашивая.

Цыбиков пристально посмотрел на профессора исподлобья и тихо твердо сказал:

– Да, это так.

Воспоминания о тех временах, равно как и о Петре Бадмаеве, их олицетворявшем, у Гомбожаба были весьма противоречивые. С одной стороны, Петр, выдающийся земляк, входящий во дворец, круто изменил жизнь юного буряты, и не помышлявшего об изучении языков и традиций Востока. За это Цыбиков был ему несказанно благодарен. С другой стороны – истории, вроде той, которую упомянул Савельев.

«Как можно просить изменить вероисповедание? Это же не сменить костюм... или прическу... это – в душе, то, во что ты веришь. Нельзя перестать верить по прихоти. Нельзя начать верить по прихоти».

Будто прочтя его мысли, Савельев сказал:

– И сейчас ваша непокорность нам порукой, Гомбожаб. Поскольку нам нужен не Цыбиков-христианин, а Цыбиков-буддист.

Холод волнения, который и без того постепенно охватывал душу Гомбожаба, теперь, казалось, сковал все внутри у молодого востоковеда...

– О чем задумался? – спросил Ешей-томба, отвлекая спутника от мыслей.

– О том, какое тяжелое путешествие у нас уже, – помедлив, ответил Цыбиков, – и как много трудностей еще ждет впереди – ведь это только самое начало, по сути...

– Да, до Лхасы еще ехать и ехать, путь неблизкий, тут ты прав, – согласился Ешей.

– А что у нас там ближайшее, храм Гумбум?

– Да. Наверное... – подумав, сказал Ешей. – Наверное, к вечеру будем там. Если обойдется без всякого...

Он замялся, не подобрав подходящего слова, но Цыбиков и так понял, к чему клонит его спутник: все они каждый раз вздрагивали, если холодный степной ветер приносил издали обрывки чьих-то речей, отголоски топота копыт невидимых лошадей и другие звуки, мало общего имеющие со спокойствием. Кроме того, те же потоки воздуха, блуждающие по здешним землям, испытывали обоняние запахами чужих костров. Чудесный отвар позволял унять нервы, но не мог избавить от чувства тревоги совсем.

«Впрочем, и не стоит: если не тревожиться ни о чем, можно за такую беспечность и головой поплатиться... а мне голову терять нельзя, задача у меня архиважная. Чуть замешкаешься, вызовешь подозрения – и, почитай, убит, голову снимут свои же, чтобы тибетцы потом не казнили всех из-за одной овцы паршивой, примкнувшей к каравану паломников...»

– Боишься, Гомбожаб? – спросил Ешей напрямик, и в голосе его слышны были нотки снисхождения, даже, скорее, презрения.

– Чего именно? – осторожно уточнил Цыбиков.

– Ну... всякого. Разбойников. Степь... Тибет.

Испытующий взгляд заскользил по лицу Гомбожаба вверх-вниз, ожидая... чего? Мимолетной гримасы, которая выдаст его нечестные намерения? Цыбиков тут же отмел эту идею. Да, присоединившись к отряду, который готовился к отправке в Тибет, после долгих бесед с Савельевым и иными сотрудниками академии, Гомбожаб постоянно ожидал разоблачения. Ежечасно, даже ежеминутно он прокручивал в голове возможные вопросы спутников и сочинял ответы на них. Все время, в каждом обращении бурятских паломников искал подвоха... как вот сейчас.

«Скорее всего, он просто хочет увидеть, как у меня глаза забегают, а сам я буду говорить, что никакого страха не испытываю... что ж, пускай порадует и успокоится...»

– «Боюсь» – это, наверное, сильно сказано, Ешей, – сказал Цыбиков, стараясь, чтобы голос его слегка подрагивал. – Скорее, опасаясь... ибо не хочется сложить голову, так и не увидев Тибета...

Судя по удовлетворенной улыбке собеседника, Гомбожабу удалось показать нужную эмоцию.

«Надо полагать, в ближайшее время мне придется заниматься этим постоянно – врать, лукавить, изображать...»

– Да, я там бывал не раз, Тибет любой настоящий буддист должен увидеть, – уверенно заявил Ешей. – Без этого паломничества не вера у него, а так – одно название!..

– Опять отвар пьете свой, Гомбожаб? – спросил низенький тощий бурят с взъерошенными черными волосами, подходя к ним.

Его звали Даший, бурятский лама. Он вел под уздцы навьюченного верблюда; перекинутые связанные вместе мешки с нехитрыми пожитками бурята били животное по бокам.

– Пьем, – помедлив, кивнул Гомбожаб. – Хочешь тоже?

– Давай, хочу, – охотно хмыкнул Даший.

Он протянул свободную руку и, взяв кружку у Цыбикова, сделал большой глоток.

– Ах, хорошо... – причмокнув от наслаждения, прошептал Даший.

– Судя по всему, мы уже собираемся в путь? – спросил Ешей.

– Чэшой говорит, пора, – возвращая посуду Цыбикову, ответил Даший. – Иначе к ночи рискуем не добраться.

От Цыбикова не укрылось, как Ешей презрительно скривился: несмотря на весь опыт спутника Гомбожаба, предводителем был избран именно Чэшой, поскольку был казначеем перерожденного, дожидавшегося его в Лхасе.

– Что ж, тогда будем собираться, – сказал востоковед, желая хоть немного разрядить обстановку.

Путники промолчали, и Цыбиков отправился тушить костер и собирать вещи: задерживать караван не хотелось. Даший по настоянию Чэшой кругом объехал лагерь и вскоре вернулся с благостными вестями: горизонт был чист, и их отряду ничто не мешало продолжить путь в направлении монастыря Гумбум.

«О, снова ты, мой непокорный верблюд!.. – думал Гомбожаб, навьючивая животное. – Не взбрыкивай уж...»

К счастью, все обошлось. Верблюд вел себя вполне пристойно, и до самого Гумбума Цыбиков мог преспокойно обдумывать план дальнейших действий и ворошить прошлое, вспоминая, что же побудило его согласиться на подобную авантюру – поездку под видом бурятского паломника в Тибет.

«Сейчас оглядываешься назад и думаешь – зачем, почему? Чего бы и в Петербурге не остаться?»

Поднявшись по реке Гуй, караван паломников свернул направо и взошел на небольшой холм. С его вершины открывался вид на монастырь Гумбум, и Гомбожаб остановил верблюда, дабы полюбоваться этим чудесным местом.

Цыбиков немало читал про него. Говорят, что все началось с великого реформатора ламаизма Цзонхавы и его матери. По легенде, однажды он пролил здесь свою кровь, и через три года после этого на том месте, где багряные капли упали в почву, выросло сандаловое дерево цан-дан, на листьях которого можно было разглядеть изображения божеств. Возмужав, Цзонхава покинул отчий дом ради будущих великих свершений. Престарелая же мать осталась дома; она быстро заскучала по сыну и стала в своих письмах к нему просить свидания. Цзонхава не смог приехать, однако поручил матери построить под сенью дерева цан-дан

субурган¹ со ста тысячами изображений «Львиноголового». По словам реформатора, это принесет всем живым немалую пользу, а родительнице сможет заменить их свидание. Мать исполнила волю сына, и вскорости ступа была готова. Со временем к субургану начал стекаться народ со всего Тибета. Сначала лама Ринчэн-цзондуй-чжямцо построил около него келью для тридцати своих учеников, после, в 1577 году, здесь построили храм со статуей двенадцатилетнего «спасителя Майтреи» из «лекарственной глины». Наконец, еще шесть лет спустя, по настоянию третьего Далай-ламы Соднам-чжямцо был построен монастырь, который и получил название Гумбум – из-за тех самых ста тысяч портретов «Львиноголового».

«Так сложно свыкнуться с мыслью, что весь Тибет есть замысловатое переплетение реальности и вымысла», – подумал Цыбиков, с интересом рассматривая множественные здания, расположенные в обращенном на север глубоком овраге.

Самое главное здание монастыря – то, где находился субурган, – стояло на фундаменте из серого гранита. Стены его были облицованы зеленым кирпичом, а крыша покрыта двойной позолотой. Другие здания несколько меркли на фоне основного, имея при этом весьма благородный вид.

– Ха! – рывкнули сзади.

Голос принадлежал их предводителю, Чэшою, и Гомбожаб, мигом его узнав, даже не стал оглядываться.

– Где остановимся на ночлег? – спросил он, когда верблюд командира остановился рядом с его животным.

– В доме досточтимого Лон-бо-чойчжона, – помедлив, ответил предводитель. – Он мой старый знакомец и прорицатель.

Заслышав о ремесле названного Лон-бо-чойчжона, Гомбожаб заметно напрягся. Он не очень-то верил в волшебство и все, что с ним связано, но, учитывая нынешнее положение «лазутчика», Цыбиков опасался любой ситуации, способной обернуться его разоблачением.

«Но не могу же я просить Чэшою выбрать другое место для ночлега? Он наверняка захочет узнать, чем мне не нравится это, и что тогда я отвечу?»

Решив, что лучшее, на что он сейчас способен, это бездействие, Цыбиков сказал лишь:

– Надеюсь, мы не доставим многоуважаемому Лон-бо-чойчжону хлопот.

– О, нет, он очень гостеприимен и, поскольку живет затворником, всегда рад послушать истории, происходящие снаружи его скромной обители.

В радушии Лон-бо-чойчжона Цыбиков вскорости убедился лично – когда они приехали к его дому, хозяин следил за плывущими по небу облаками, сидя на лавке слева от входа. Одет прорицатель был небогато, но опрятно, как и надлежит любому смиренному мещанину. Лицо хозяина украшала длинная седая борода, седые же волосы спадали на плечи, словно обледевшие ветви ивы.

– Доброго здравия, досточтимый Лон-бо-чойчжон! – радостно поприветствовал старого знакомого предводитель каравана.

– И тебе не хворать, досточтимый Чэшой, – ответил прорицатель.

Он не выглядел удивленным, лишь обрадованным.

«Неужто действительно заранее знал, что мы приедем?» – удивился про себя Цыбиков, однако тут же вспомнил, что Чэшой был родом из здешних краев, а значит, никакого резона удивляться его очередному приезду у Лон-бо-чойчжона не было.

Чэшой представил каждого из спутников хозяину, и тот отчего-то дольше всех задержался подле Цыбикова – с минуту, не меньше, он смотрел ему в глаза, едва заметно улыбаясь самым уголком рта, и лишь после этого перешел к следующему путешественнику.

– Ты ему явно чем-то запал в душу, – прошипел стоящий рядом с Гомбожабом проньера Даший. – Интересно, чем?

Цыбиков промолчал. Он не знал, чего ждать от Лон-бо-чойчжона, но по взгляду его понял, что прорицатель и вправду видит больше, чем другие.

«Интересно, насколько?»

Лон-бо-чойчжон ответил на этот вопрос довольно скоро: в один из последних январских вечеров прорицатель постучался в дверь к Гомбожабу, чем немало удивил последнего.

– Позволишь войти?

– Да, разумеется ... – ответил Цыбиков.

Прорицатель прошел внутрь и присел на скамейку, что стояла у стены. Возле противоположной находилась койка Гомбожаба, на которую, следуя примеру хозяина, медленно опустился востоковед. При этом он неотрывно глядел на Лон-бо-чойчжона, а тот – на него: глаза прорицателя смеялись.

– Чем обязан вашему визиту? – осторожно осведомился востоковед.

– Я с самого начала хотел с тобой поговорить, Гомбожаб Цыбиков, – сказал хозяин. – Просто ждал подходящего момента.

– Сейчас он настал?

– Как знать, – повел плечом прорицатель. – Может – да, может – нет... В будущем станет ясно. Как бы то ни было, мироздание хотело, чтобы я поговорил с тобой, Гомбожаб, и вот я здесь.

«Мироздание?»

У Цыбикова возникло нехорошее предчувствие. Он все еще не слишком верил в провидческий дар их хозяина и в волшебство вообще, но уверенный тон Лон-бо-чойчжона вызывал у востоковеда беспокойство.

«Что, если он смотрит на меня и видит насквозь, кто я, откуда и что меня ждет? Может, он уже рассказал о моей тайне Чэшою, и тот сейчас...»

– Должен сказать, я впечатлен, – прерывая ход его мыслей, сказал Лон-бо-чойчжон.

– Чем?

– Тем, что ждет тебя, Гомбожаб Цыбиков... Славная, славная судьба... и не менее славная кончина: из твоего черепа будет изготовлена габала!

Цыбиков вздрогнул. Он знал, что подобная честь выпадает не каждому, но все же не хотел сейчас думать о смерти и последующих почестях.

– Что с тобой? – удивился Лон-бо-чойчжон. – Или ты не рад этим вестям?

– Рад, просто...

– Просто не очень веришь в мой дар, верно? – расплылся в улыбке хозяин.

Цыбиков не нашел что ответить.

– Не переживай об этом, – отмахнулся Лон-бо-чойчжон. – Даже здесь, в Гумбуме, хватает проходимцев и шарлатанов всех мастей.

– Да нет, что вы... я бы никогда не позволил...

– Оставь, – поморщился хозяин. – Верить или нет – сокровенное дело каждого. В любом случае – сам увидишь!

С загадочной улыбкой на устах Лон-бо-чойчжон поднялся со скамьи и пошел к двери. Постоялец провожал его слегка отрешенным взглядом.

– Доброй ночи, Гомбожаб Цыбиков, – задержавшись у порога, сказал прорицатель.

– Доброй... но неужели... неужели вы вправду ничего больше не скажете? – не удержавшись, спросил востоковед.

– Видишь ли, Гомбожаб Цыбиков... – с чуть виноватой улыбкой произнес Лон-бо-чойчжон. – Мироздание позволяет мне заглянуть в будущее лишь с тем условием, что я не стану делиться многими из этих знаний без особой нужды. В противном случае грядущее перестанет мне открываться.

Востоковед понуро кивнул. Видя его разочарование, хозяин устало вздохнул и сказал:

– Всего одно слово – «дихроя». Найдешь ее – и поймешь, что делать дальше. На этом – все.

Лон-бо-чойчжон вышел из комнаты, а Гомбожаб так и остался сидеть, сверля пустоту остекленевшим взглядом.

В мозгу его эхом звучало таинственное слово, сказанное прорицателем.

«Дихроя».

Гомбожаб медленно взял в руки пиалу и сделал глоток своего отвара, после чего прилег, вытянулся во весь рост и закрыл глаза.

Успокоение наполнило его тело через считанные минуты, и Цыбиков заснул сном младенца.

•••

28–29 сентября 2019 года

Перелет в Тибет. Лхаса. Встреча с группой. Горная болезнь...

Я лежал в своем гостиничном номере в Лхасе, на высоте 3600 метров над уровнем моря, и, морщась от запаха кислой собачатины, смотрел в потолок. Лунный свет, необычайно яркий в этих местах, проникал через щель между занавесками и высвечивал лишь бледную полосу, которая разделяла сумрачный квадрат надо мной на два треугольника.

«Как там было у Цыбикова? «На высокогорье восприятие запахов обостряется?»»

Я лежал, рассматривал эти треугольники, а голова моя буквально раскалывалась на части.

«Ничего... – повторял я про себя. – Это всего лишь горная болезнь... необходимая адаптация... пару дней – и все придет в норму... пара-тройка дней – и все».

Увы, одним лишь самовнушением обойтись не удалось: с каждой минутой голова болела все сильнее, а сон – сон, который мог бы укрыть спасительным одеялом забвения, необходимым, чтобы дожить до утра, – этот треклятый сон все не думал приходить. Не в силах больше терпеть боль, в час ночи я постучал в дверь комнаты Бори Каца (он же – Лама). Организатор маршрута, он побывал в Тибете раз двадцать, если не больше, а потому предусмотрительно возил с собой аптечку внушительных размеров. Казалось, там были лекарства на все случаи жизни.

Едва взглянув на меня, Боря моментально поставил диагноз.

– «Горняшка» обострилась, – ковыряясь в ящике с лекарствами, сонным голосом пробубнил Лама. – Это обычно как раз ночью случается – дыхание замедляется, и получается дефицит кислорода в крови... Но все поправимо. Молодец, что не стал терпеть до утра, а то могло бы стать хуже, и уколом бы мы тогда не отделались – мог бы и через больничку домой отправиться.

«Но это ведь не наш путь – только приехав в Лхасу, сразу же ее покидать?» – подумал я про себя.

– Спасибо, Борь, – сказал я, когда укол был сделан.

– Ронанг², – вяло улыбнувшись, ответил Лама.

На том мы и распрощались до утра – Боря завалился спать, а я отправился к себе в номер, надеясь, что теперь тоже смогу отдохнуть.

Укол обезболивающего подействовал не сразу – несколько минут я лежал, ожидая счастливого избавления от мигрени, но разочаровываясь снова и снова. Наконец «горняшка» начала постепенно отступать. Я облегченно улыбнулся.

«Ну, наконец-то!..»

Счастье, однако, не было долгим: едва головная боль прошла, я понял, что не могу уснуть. Несмотря на усталость, я никак не мог сомкнуть глаз.

«В целом мир тотально неразумен: всё человеку нужно только для того, чтобы, доставшись, стать нахер не нужным».

Я вздрогнул. Мысль показалась слишком резкой, странной, будто чужой – как будто про-
рвалась в мой мозг откуда-то извне.

«Может, это с недосыпа как раз? Лезет в голову всякое... Или, может, из-за недостатка
кислорода мозг решил, что умирает, и теперь в истерике генерирует такие странные конструк-
ции? Непонятно...»

Нужно было поспать, но проклятый сон все не шел.

«До чего странно: и прошлой ночью не спалось, но там-то в кресле, сидя...»

Вообще перелет в Китай оставил только позитивные впечатления. Посадка на рейс до
китайского аэропорта Чэнду началась минута в минуту, что несколько удивило меня.

«А ведь эта «Сишуань» – лишь одна из сотен китайских компаний, даже не самая извест-
ная из них. А ведь, если б Лама не посоветовал, я бы никогда не решился лететь этим рейсом
– очень уж не хочется, чтобы перелет обернулся фейлом с отскребанием твоего пепла и плоти
с кусков фюзеляжа, разбросанных по местности, где ты не планировал оказаться...»

Предъявив билет улыбочивой девушке за стойкой, я через серый рукав тоннеля «Алек-
сандра Пушкина» (новый никнейм аэропорта «Шереметьево») прошел в самолет. Тот оказался
до отказа забит китайскими торговцами, которые делали состояние на продаже разномастного
ширпотреба. Место мое находилось у окна; расположившись в кресле, я занял удобную позу
и, наблюдая за снующими между колес и трапов погрузчиками с багажом, приготовился к дол-
гому перелету.

«Хотя что такое восемь часов в сравнении с испытаниями путешествий в Тибет в про-
шлом – с этими многомесячными переходами на верблюдах, сном в палатках из шкур и веч-
ным страхом стать жертвой разбойников?»

Я усмехнулся про себя. Как же все поменялось за сто с небольшим лет!.. В начале два-
дцатого века путешествие в Тибет из России было сродни подвигу, сейчас это – всего лишь
одна ночь в мягком удобном кресле с всего одной пересадкой. Да, выспаться в подобных усло-
виях тяжело, да, сидеть в одной позе так долго довольно утомительно. Но в сравнении с тем,
что переживали буддистские паломники во время ежегодного путешествия в Лхасу, это были
сущие пустяки, о которых даже стыдно заикаться.

Вскоре посадка была закончена, самолет тронулся с места и покатился к взлетной полосе,
чтобы совершить рывок в темное московское небо. Я на прощание взглянул на здание аэро-
порта, которое светилось разноцветными огнями, словно новогодняя инсталляция, и открыл
книгу Александра Пятигорского «Мышление и наблюдение». В предстоящем путешествии
она должна была стать моим литературным попутчиком – с другими, реальными, «паломни-
ками-попутчиками» мы встречались уже в Лхасе.

Ближе к полуночи моя «поднебесная» соседка решила поужинать «дошираком», и я, уви-
дев это, невольно вспомнил, когда ел эту синтетическую субстанцию в последний раз. Было это
во время «Ралли Родина» 2015 года – тогда мы с группой байкеров совершили путешествие
с Сахалина до Санкт-Петербурга на мотоциклах «Урал». К слову, двое из той группы, Боря
Лама и Саша Ребе, отправились со мной и в Тибет. Более того, инициатором этой поездки
был именно Лама (который, как нетрудно догадаться по его прозвищу, увлекался буддистской
тематикой), а Ребе всячески помогал Боре с организацией.

Той ночью, в самолете, сон сморил меня ближе к двум часам, однако я часто просы-
пался и с утра чувствовал себя не очень-то здорово. Впрочем, по прилете я сразу взбодрился
«эспрессо» и, без особой нервозности пережив тотальный досмотр моего багажа китайскими
полицейскими и полуторачасовой перелет из Чэнду в Лхасу, из аэропорта вышел уже в значи-
тельно лучшем расположении духа. Был солнечный день, и я, глядя в окно на пестрые вывески
с большими иероглифами, размышлял о том, что вполне неплохо переношу высокогорье...

«Если не дать сегодня стать вчера, то и завтра хер наступит», – вновь возвращая меня из
прошлого в гостиничный номер, громыхнула в мозгу новая мысль.

Я замер. И снова – будто чужое, не мое.

«Нет, это точно от усталости и от горной болезни, других причин быть просто не может!» – решил я и снова мысленно вернулся к событиям вчерашнего дня.

К несчастью, из аэропорта я приехал первым, и оттого вынужден был дожидаться всех в фойе нашей гостиницы вместе с Олегом и Джимми: первый являлся нашим гидом от туроператора, второй представлял китайские власти – ему надлежало присматривать за тем, чтобы мы не совершили ничего противозаконного.

«Например, неукоснительно следовали по заранее согласованному маршруту, чтобы не увидеть лишнего».

Вскоро начали приезжать другие «паломники». Вопрос о горной болезни в той или иной форме задал каждый из них.

– Ну, как голова? – спросил Лама, едва меня увидел.

– Как самочувствие? – это уже Ребе.

Следом пришел Борис Гринберг:

– Вижу, высокогорье вас не подкосило?

Остальные «паломники» – Артем, Паша, Дмитрий, Виталий, Роман и Лариса – тоже оригинальностью не отличались. Впрочем, что еще спросить при первой встрече в Тибете? Я из всех собравшихся знал только Ламу и Ребе; они же и набирали группу из своих знакомых, с которыми мне перед поездкой удалось обменяться лишь несколькими сообщениями через соцсети. Заселившись в номера – гостиница, снятая туроператором, оказалась паршивая, но Олег заверил, что лучшей в этот сезон не найти, – мы отправились прогуляться по Лхасе.

– Как, говорите, переводится это название? – шурясь от яркого солнца, уточнил Ребе.

– Место Богов, – ответил Лама.

– Мне кажется, или пора переименовывать? – усмехнулся Ребе. – Потому что богов тут, как кажется, уже не осталось...

Я склонен был с ним согласиться. На той улице, по которой мы пошли, первые этажи красивых старинных зданий занимали магазинчики и сувенирные лавки с аляповатыми вывесками, отчего Лхаса больше напоминала огромный базар, разросшийся до размеров целого города. При этом грязь и запущенность, о которых рассказывал Цыбиков в своих дневниках, разумеется, никуда не делась (разве что фекалий на мостовой в сравнении с началом двадцатого века значительно поубавилось). Местные, кажется, даже не особенно старались как-то декорировать убогость иных улиц. Вдобавок то тут, то там попадались на глаза дешевые палатки, в которых жили самые бедные горожане.

Больше всего поражало количество красных флагов, транспарантов и полицейских, которые нам встречались.

– Китай в эти дни празднует 70-летие Народной Республики, – пояснил Олег. – Так что привыкайте к яркости... и предосторожности.

– Что ж, безжалостная поступь китайского прогресса, который добрался и до этих мест, – глубокомысленно заметил Лама, когда мы делились с ним первыми впечатлениями от древнего города. – В Потале должно быть поаутентичней.

После обеда мы отправились к салону BMW за мотоциклами, аренду и страховку которых мы оформили через турфирму.

– А чего у некоторых тибетские номера, а у некоторых – китайские? – удивился Борис Гринберг.

– Какие были по наличию, такие и оформили, – пожал плечами Олег.

Придирчиво осмотрев мотоциклы – это оказались новенькие BMW GS800 и GS1200, – мы жребием распределили транспорт между участниками нашего каравана, после чего отогнали байки на стоянку возле гостиницы. Туда же чуть позже Олег прикатил джип сопровождения, в котором планировали перемещаться они с Джимми.

– А в багажник положим вещи, – добавил наш гид.

Забегая вперед, стоит сказать, что с поклажей дела у всех обстояли совершенно по-разному – от двух небольших сумок, которые легко помещались в кофры мотоциклов, до внушительных баулов с картины пассажиров первого класса «Титаника».

Разобравшись с байками, мы отправились на первый совместный ужин, в ходе которого обсуждали различные нюансы.

– Мотоциклы к путешествию готовы, машина сопровождения тоже... – перечислял Олег. – Завтра, насколько я помню, отправляемся на пешую экскурсию в Поталу?

Все закивали. Я про себя отметил, что во времена Цыбикова дворец находился на окраине города, а теперь являлся его центром.

– Как вообще впечатления от Лхасы? – сделав пометку в телефоне, спросил наш гид.

– Что-то пока не вдохновляет, – опередив всех, заявил Дмитрий.

Я нахмурился, удивленно посмотрел на Ламу. Тот лишь пожал плечами.

– Ну, так мы еще нигде не были, – неуверенно заметил Ребе. – Только первый день же.

– Ну, я думал, тут как-то... сразу необычно. А пока просто язык другой, ничего выдающегося.

Голос Дмитрия буквально сквозил разочарованием.

– Ничего, ближе ко сну еще будет «необычно», – улыбнулся Лама. – Когда горная болезнь накроет.

Тогда нам казалось, что он больше шутит. Но с наступлением ночи мы все убедились, что Лама отнюдь не лукавил.

«К сожалению».

Заснул я под утро и толком не выспался, но по крайней мере с утра у меня не болела голова, а это на фоне жуткой ночной мигрени казалось настоящим чудом. Вдобавок странный голос, который вчера как будто звучал в моей голове, более никак себя не проявлял, а потому я списал все случившееся на усталость и «горняшку».

День обещал быть насыщенным: нас ждала Потала и центральный рынок Лхасы – Баркхор; в этих местах, как заверял Лама, все еще жил дух исконного Места Богов.

•••

Февраль 1900 года

Монастырь Лабранг. Новые предсказания

– Не тяжело, Гомбожаб? – поинтересовался Чэшой, когда в очередное утро Цыбиков, неся молитвенный барабан, вышел из дома, чтобы отправиться на прогулку по окрестностям Гумбума.

Внутри у востоковеда похолодело, но внешне он никак не выдал волнения и лишь сказал:

– Да нет, привык. Сколько себя помню, он всегда был со мной.

Чэшой улыбнулся самыми уголками рта и одобрительно кивнул. У Гомбожаба отлегло от сердца; попрощавшись с предводителем, востоковед устремился прочь.

Его молитвенный барабан привлекал много лишнего внимания, что, впрочем, объяснялось его солидными размерами; он был необычно велик, определенно больше многих, виденных Гомбожабом прежде и ныне, но другой не подходил замыслу Савельева и других инициаторов путешествия.

Цыбиков невольно хмыкнул про себя, вспомнив, с каким лицом профессор рассказывал ему об их дерзкой задумке – красным от перевозбуждения, с горящими азартом глазами и чуть подрагивающими от волнения крыльями носа.

– Вы полагаете, никто ничего не заподозрит? – выслушав Савельева, сказал Цыбиков.

Голос его был пропитан скепсисом, точно накидка путника в дождливый день.

– Помилуйте, Гомбожаб... – Поморщившись, профессор отмахнулся, будто от назойливой мухи. – Это ведь настолько личное, что никто не станет на подобное покушаться! Нет,

разумеется, если вас застанут, когда вы будете делать снимок с помощью спрятанного в барабане фотографического аппарата...

Он замялся, и Цыбиков с невеселой улыбкой закончил за него:

– Тогда не сносить мне головы. И не надо, прошу вас, говорить, что все обойдется. Нам обоим прекрасно известно, как тибетцы относятся к фотоаппаратам: любой из них, увидев меня с ним, решит, что я хочу похитить чью-то душу, и казнь моя станет вопросом времени, причем небольшого!

– Правда ваша, Гомбожаб... – нехотя подтвердил Савельев с грустью. – Но, поверьте, мы выбрали лучший фотоаппарат из всех возможных – ручной Piron Self-Worker, сделан не где-то, а в самом Париже!..

– Ну, если в самом Париже, то умирать, конечно, уже не так страшно, – не удержался от сарказма Цыбиков.

Савельев устало вздохнул и сказал:

– Понимаю, все понимаю... Но, прошу, Гомбожаб, взгляните на это чуть с другой стороны: коли бы я или иной сотрудник института решили выдать себя за паломника, совершающего путешествие в исконные земли буддизма, местные власти не дали бы такому смельчаку спокойно вздохнуть. Полагаю, его бы – или меня – и вовсе развернули бы прямо на границе, чтобы не допустить вмешательства чужака в дела Тибета...

Профессор вздохнул и пристально посмотрел на собеседника исподлобья.

– Не буду лукавить, Гомбожаб: ваши происхождение и вероисповедание играли немаловажную роль при выборе кандидата. Но и то и другое было бы совершенно бессмысленно, если бы вы не были знатоком Востока, понимающим самые его основы. Вы единственный известный мне бурят, который осознает, насколько важным является это путешествие для исследования Тибета. Именно поэтому я прошу вас не рубить с плеча. Это тяжелая миссия, безусловно. Но она может прославить ваше имя в веках.

«И полусумасшедший предсказатель из Гумбума уже подтвердил, что так все и будет», – подумал Цыбиков, шествуя вдоль скромных домов местных монахов.

Нахождение в Гумбуме позволило востоковеду сделать несколько важных снимков, но каждый стоил ему нескольких седых волос: всякий раз Гомбожаб подолгу выбирал точку съемки, после чего дожидался, пока в обозримом пространстве вокруг не останется людей. Как правило, по злой иронии судьбы, к этому моменту или опускался вечер, или портилась погода, и Цыбиков, боясь, что кадр не удастся, откладывал фотографирование на потом. Вдобавок аппарат, спрятанный внутри барабана, иногда давал осечки, и Гомбожабу приходилось перезаряжать фотографические пластины. Учитывая мудреную конструкцию, процесс это был небыстрый, а потому в подобные моменты востоковед оказывался особенно незащищен.

«Увидят – убьют», – думал Цыбиков всякий раз.

Пока что все обходилось.

Помимо своей миссии, Гомбожаб много думал о словах Лон-бо-чойчжона. Что за судьба его ждет? Почему из его черепа сделают габалу? И что такое эта таинственная «дихроя»? Ни на один из перечисленных вопросов востоковед пока не нашел ответа – расспрашивать спутников он не решался, а прорицатель с того памятного разговора будто нарочно избегал новых бесед.

«А ведь еще мне надо как-то попасть в Лабранг...» – размышлял Гомбожаб, проснувшись однажды утром и по обыкновению глядя в потолок жилища Лон-бо-чойчжона.

Это была одна из ключевых точек на пути в Лхасу, но самолично ехать туда Цыбиков остерегался. Требовался опытный проводник, который мог бы помочь с наемом людей для защиты и хорошо знал бы тамошний монастырь. Именно поэтому, когда Даший одним вечером поделился планами отправиться в Лабранг, дабы получить аудиенцию у ламы, востоковед тут же вызвался стать попутчиком собрата-буряты.

– Уверен, Гомбожаб? – прищурившись, спросил Даший. – Путь предстоит неблизкий...

– Уверен. Всегда хотел побывать в Лабранге.

– Ну, как скажешь.

Все складывалось довольно удачно ровно до того момента, как Цыбиков зашел навестить Лайдаба – слугу, нанятого им в Бурятии. Лайдаб внимательно выслушал хозяина, а потом сказал:

– У меня тоже есть для тебя новости, Гомбожаб. Я возвращаюсь назад, в Кяхту.

Эта новость удивила Цыбикова: ему казалось, что он справедлив к слуге и не нагружает его работой сверх меры. Видимо, удивление было написано у Гомбожаба на лице, потому что Лайдаб тут же поспешно добавил:

– Не думай, что я из-за тебя, Гомбожаб. Я просто... в Гумбуме всякое говорят про дорогу в Тибет – и дороги сами, и разбойники, и переходы по долинам и взгорьям... Мы уже прошли немало, но это все равно только самое начало, а впереди еще столько всего...

– Но я ведь тебя предупреждал обо всем этом, Лайдаб, – угрюмо сказал Цыбиков.

– Предупреждал, – нехотя признал слуга. – Но я как-то... не понимал до конца, что и как будет. А пока до Гумбума ехали, понял. И тут еще местные... Извини меня, Гомбожаб, но дальше без меня.

Востоковед смерил его взглядом, потом устало вздохнул и пожал плечами:

– Что ж, не могу же я тебя насильно заставить ехать. Верни часть жалования, и – в добрый путь.

– Вернуть часть жалования? – медленно переспросил Лайдаб.

– Ну, ты ведь выполнил работу не полностью, получается, и денег всех не заслужил, которые я тебе заплатил?

Глаза слуги забегали, и Цыбиков понял, что дело неладно.

– Видишь ли, Гомбожаб... – протянул Лайдаб. – Часть денег я оставил матери и сказал, чтоб тратила, как считает нужным. А была зима, сам понимаешь...

– А другая часть?

– А другая часть – это моя дорога назад, – сказал слуга, робко заглянув хозяину в глаза. – Без этой части я не доберусь до Кяхты. Прости уж.

Цыбиков шумно втянул воздух ноздрями, а потом сказал:

– Иди уж, что с тобой делать...

– Спасибо тебе, Гомбожаб, – просиял слуга и пулей выскочил в дверь, а Цыбиков остался сидеть, глядя в стену перед собой.

«И что потом говорить Савельеву про эту растрату? Что меня надурил провожатый? Или украли?»

Впрочем, это была меньшая из проблем. Для путешествия в Лабранг Гомбожабу требовалось нанять не одного слугу, а сразу нескольких, чем они с Дашием занялись на следующий же день. Правда, мало кто хотел ехать по выбранному бурятами маршруту: дело осложнялось тем, что Лабранг находился на юге реки Хуанхэ, а это добавляло трудностей. И все же после двухдневного поиска Цыбиков и его спутник наняли двух бурятских лам, которые были не прочь отправиться в монастырь.

Теперь оставалось только не упустить китайских татар-саларов, которые единственные возили путешественников из Гумбума в Лабранг и обратно. Жили эти салары в деревеньке Ламурчжан, что на правом берегу Хуанхэ, и приезжали в строго определенные дни.

К счастью, Цыбикову и его спутникам повезло нанять саларский караван. Навьючив мулов вещами путешественников, татары повели их по выбранному маршруту в направлении Лабранга. Гомбожаб надолго запомнил постоянные дворы, в которых они останавливались по дороге: в каждом из них они ночевали вместе с животными в больших сараях, где у одной из стены были нары для людей, а с другой – стойла для лошаков. Ароматы, как нетрудно

догадаться, в подобных местах соответствующие, что, впрочем, смущало Цыбикова несколько меньше, чем холод. Сквозило в подобных сараях изо всех щелей.

К счастью, морозами дело и ограничилось, и путники без особого труда достигли татарской деревни, куда переправились с противоположного берега на большом карбасе. Мулы возмущенно кричали, но возчики не обращали на протесты животных никакого внимания. После переправы караван на два дня остановился в Ламуржчане, в доме возчика, который показался Цыбикову настоящим дворцом, хотя мало чем отличался внешне от недавних сараев. Такому убогому состоянию было свое объяснение: около семи лет назад деревню сожгли китайские войска, и теперь остатки ее жителей, задорого купившие себе жизнь у агрессоров, пытались отстроить Ламуржчан заново.

Передохнув, караван продолжил путь. Возчики сразу предупредили, что оставшаяся дорога до Лабранга населена тангутами, которые нередко устраивают засады на путников, а потому следует держать оружие наготове. Сами салары вооружились фитильными ружьями, а Цыбиков и его товарищи держали наготове револьверы и сабли. К счастью, обошлось без стычек, и вскоре караван достиг широкой долины, именуемой Ганчжа-тан³. Здесь было великое множество тангутских палаток, рядом с которыми пасся скот – овцы и яки.

– Пастухи, – в ответ на вопросительный взгляд Цыбикова сказал один из провожатых. – Не опасны.

Обитатели палаток взирали на проезжающий мимо караван хмуро, но без злобы – скорее, просто не рады были чужакам, заглянувшим к ним на пастбище. Провожатый не соврал: пастухи на жизнь путников не зарились – куда больше их волновала сохранность скота.

«Простые люди с простыми принципами и простыми целями...» – подумал Цыбиков, глядя на блеющих овец и степенных суровых яков.

К концу дня, миновав широкий перевал, караван саларов наконец достиг цели своего путешествия – долину реки Сан-чу, где находился монастырь Лабранг, или в переводе «Ламаистский дворец – круговорот благ». Основал его в далеком 1709 году первый перерожденец Чжамьян-шанбы, философ Агван-Цзондуй, бывший в близких отношениях с пятым Далай-ламой, известным также как Великий. Его толкованиями стали руководствоваться со временем почти все богословские факультеты Монголии, русского Забайкалья и, разумеется, Амдо – родины Агвана-Цзондуя. Здесь же, в Амдо, он в самом начале восемнадцатого столетия основал Лабранг, здесь же и умер в 1721 году.

Достигнув монастырской улицы, Цыбиков и его спутники по примеру саларов спешились и повели мулов под уздцы. Востоковед обратил внимание, что в сравнении с Гумбумом здесь царил практически идеальная чистота, а в подворотнях не выли обиженно оголодавшие дворняги. Легкий аромат благовоний – и все, ничего более.

«Блаженство...»

– Где остановимся на ночлег? – спросил Цыбиков, рассматривая дома, стоящие по обеим сторонам улицы.

Как и в Гумбуме, жилища простых монахов больше походили на нищенские халупы – низенькие, глинобитные, они попросту меркли на фоне храмов и дворцов перерожденцев.

– Просто следуй за мной, – уверенно заявил Даший, и востоковед не стал спорить.

Путники остановились у Норбу-Намгана, монаха, жившего в скромнейшем домике с двумя комнатами: одна отводилась под спальню, вторая – под кухню. Цыбиков, увидев, сколь бедно живет хозяин, хотел было искать другое пристанище, но Даший отговорил его от этого.

– Не обижай хозяина, Гомбожаб, – тихо попросил он. – Ему гости всегда в радость.

«Как и любому достойному ламаисту», – хотел было сказать Цыбиков, но сдержался и согласился со спутником – обижать радушного хозяина не хотелось.

Путники стали заносить внутрь вещи, дабы salaries могли отправиться обратно в свою бедную деревеньку. Слуги помогали по мере сил, однако, когда один из них взялся нести молитвенный барабан Цыбикова, востоковед тут же забрал его себе.

– Это личное, – мягко сказал востоковед и скрылся в доме.

Шагая к двери, Цыбиков спиной ощущал недоуменный взгляд бурятского ламы и мысленно проклинал себя за излишнюю заботу о молитвенном барабане, которая могла вызвать ненужное любопытство или подозрение.

«Надо быть осмотрительней», – в очередной раз напомнил себе востоковед.

Проснувшись рано утром, путники первым делом отправились к статуе 80-футового Майтреи, которая хранилась в большом каменном здании с позолоченной крышей. Подойдя к двери, Цыбиков обнаружил над ней деревянную табличку с надписями на четырех языках.

– «Благословеннорадостный храм», – с придыханием произнес Даший.

Они вошли внутрь и остановились возле медной статуи Майтреи. Строго говоря, 80-футовой она не была, хотя, согласно верованиям ламаистов, Майтрея, Будда будущего, будет иметь именно такой рост. Цыбиков слышал, что неточность в размерах монахи оправдывали, говоря, что данная статуя изображает Майтрею-ребенка, лет 8 или около.

«Смекалке их можно только позавидовать», – думал востоковед, глядя в голубые глаза Майтреи с полуопущенными веками.

– Мне нужно отлучиться, Гомбожаб, – сказал Даший, привлекая внимание Цыбикова. – Встретимся дома у Норбу-Намгана.

– Как скажешь, – легко согласился востоковед.

Ему стоило большого труда, чтобы скрыть свое облегчение.

«Надо обязательно сделать снимок статуи Майтреи. А еще где-то здесь должны быть медные статуи Цзонхавы и Дол-мы...»

Даший ушел, и Цыбиков остался в долгожданном одиночестве. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что соглядатаев поблизости нет, Гомбожаб поставил молитвенный барабан на один из постаментов, расположенных у входа в зал со статуей Майтреи. Затем едва уловимым движением открыл специальный лючок, за которым скрывался объектив фотографического аппарата. Прикинув расстояние, парой щелчков выбрал подходящий набор линз и, помедлив, нажал на кнопку.

«Снято».

Шаги позади заставили Цыбикова спешно закрыть все посторонние лючки в барабане и обернуться. Это были двое монахов. Поприветствовав Гомбожаба, они прошли к статуе Майтреи и склонили головы, а востоковед, подхватив молитвенный барабан, покинул здание, дабы не мешать молитве.

«Нужно быть осторожней... иначе новый снимок может стать последним».

К сожалению или к счастью, больше возможности воспользоваться фотоаппаратом Цыбикову не представилось. Шагая домой, он испытывал противоречивые чувства: с одной стороны, он безумно боялся быть разоблаченным, с другой – переживал, что не сможет сделать достаточно снимков.

Дабы хоть немного примириться с собой, Гомбожаб решил заглянуть на цон-ра⁴, чтобы его сфотографировать. На рынке былолюдно; многие монахи посещали его после собраний в цокчэнском дугане, чтобы приобрести себе пропитание. Цыбиков, глядя на ламаистов в цветных одеждах, вспомнил их вчерашнюю беседу с Норбу-Намганом.

– А какова цель этих собраний? – спросил Гомбожаб.

– Там разбирают проступки и карают виновных розгами, – охотно ответил радушный хозяин.

– Надо же. И что, посещение обязательно?

– Вовсе нет. Но во время чайного перерыва каждому присутствующему раздают по кусочку масла, и это привлекает на собрание многих небогатых монахов, вроде меня, – улыбнулся Норбу-Намган. – Да и розги – не самая страшная кара для провинившихся. Тех, кого изгоняют из монастыря за провинности, прилюдно бьют розгами на цон-ра, оттаскивают за ноги и отрезают носы, уши и руки.

В то утро, к счастью, никого из храма не изгоняли и на рынке шел обычный торг. Однако не успел Гомбожаб даже открыть потайной лючок на барабане, как на цон-ра нагрянула охрана монастыря и стала разгонять собравшихся.

– Что случилось? – недоуменно спросил востоковед у проходившего мимо монаха.

– Время на торговлю вышло, – ответил тот, торопливо уходя прочь. – Пора на учебу.

Гомбожаб, проводив монаха задумчивым взглядом, устремился к дому Норбу-Намгана. Когда востоковед достиг хижины монаха, Даший уже был там.

– А, Гомбожаб, – обрадовался попутчик. – Садись, будем обедать.

Только услышав про обед, Цыбиков понял, насколько проголодался за время прогулки по монастырю, и охотно присоединился к товарищу.

– Ну что, сделал ты, чего хотел? – спросил Гомбожаб, когда с обедом было покончено.

– Ага, – не в силах сдержать улыбку, ответил Даший.

Он не стал пояснять, что именно сделал, а Цыбиков воздержался от вопросов.

«Захотел бы – сам рассказал».

Следующие две недели Гомбожаб с пристрастием изучал жизнь Лабранга. К тому моменту, как в город вернулись салары, востоковед знал распорядок дня здешних монахов практически наизусть. Снимков, к сожалению, было сделано немного – кроме статуи Майтреи Цыбиков смог запечатлеть только вид на монастырь с вершины перевала. Самые же яркие впечатления востоковеда были связаны с тем, что запечатлеть он не имел никакой возможности: монастырское кладбище в ущелье к северу от монастыря, где умерших отдавали на съедение голодным грифам, и церемонию ниспускания Найчун-чойчжона, состоявшуюся 19 февраля. Цыбиков много слышал о данном ритуале от местных, да и прежде, но присутствовал впервые.

В назначенный день с самого утра монахи купили на рынке веточки можжевельника, после чего сожгли его во дворце цзан-хана в двух особенных курильницах, напоминающих небольшие печи. Около половины девятого утра, сопровождаемый аккомпанементом труб, во дворец явился прорицатель, коим был лама, приглашенный из монастыря Чувсан. Следом за ламой прибыл перерожденец Чжамьян-шадбы, которого несли в крохотных носилках четверо лам. Сопровождаемый молитвой толпящихся во дворе монахов, перерожденец спустился с носилок на землю и замер в ожидании. Некоторое время спустя из дворца вышел прорицатель в шлеме с флажками и парчовых одеждах. С саблей в правой руке и с луком в левой, прорицатель подступил к перерожденцу, и тот сразу же перекинул через его шею ритуальный шарф. Прорицатель благодарно поклонился и медленно устремился к устроенному специально для него седалищу. На полпути лицо ламы перекосило, а на губах проступила пена, которую тут же кинулись утирать своими шарфами находящиеся во дворе монахи. Разместившись на седалище, прорицатель сначала предрек судьбу всего Лабранга, после чего позволил подойти послушникам, кому интересно было их грядущее. Каждый, кто хотел узнать свое будущее, подносил прорицателю дары. Когда последний из монахов ушел прочь, стерев пену с губ ламы, тот, все еще находясь в трансе, кинулся к наружным воротам монастыря и выпустил из них стрелу из лука. Затем прорицатель отправился обратно в храм. Проходя мимо Цыбикова, он, однако, задержался и, посмотрев на востоковеда белесыми глазами, прошептал:

– Найди дихрою...

Гомбожаб от неожиданности выпучил глаза, а прорицатель, как ни в чем не бывало, скрылся в храме и вышел из него вновь только после отъезда перерожденца – уже обычным ламой, с ясным взором и благодной улыбкой в линии губ.

– Интересно, насколько верны его предсказания? – не удержавшись, спросил Цыбиков у Дашия, когда они шли домой с церемонии.

– Верны ровно настолько, насколько Будда приоткрыл будущее для нас, – ответил спутник.

Ответ показался Гомбожабу чересчур обтекаемым, однако он решил не продолжать диалог. Лабранг оставил неизгладимый след в душе Цыбикова: особенно его впечатлила железная дисциплина; именно она позволяла без малого 2500 монахам существовать как единое целое. Особенно сильно это ощущалось с наступлением сумерек, когда монахи ниже 8-го богословского курса влезали на крыши своих домов и читали вслух заученные наизусть тексты. От гула их голосов у Гомбожаба, сидевшего в хижине радушного Норбу-Намгана, мурашки по спине бежали – до того мощные ощущения вызывал в нем этот вечерний ритуал.

– А если кто-то не заберется на крышу? – спросил Цыбиков, когда они уже собирались в путь. – Его ведь высекут розгами?

– Истинно так, – подтвердил Норбу-Намган.

– Так чего же, получается, в послушниках больше – подлинной веры или страха наказания?

– Все, кто живет в монастыре, веруют, – со снисходительной, почти отеческой улыбкой сказал Норбу-Намган. – Так что розгами наказывается не безверие, а лень. Кто сможет победить ее, познает истину, кто не сможет – будет вечно жить во тьме.

На том разговор Норбу-Намгана и Цыбикова был окончен, но Гомбожаб впоследствии неоднократно его вспоминал.

В конце февраля востоковед и Даший вместе с саларами вернулись в окрестности Гумбума, где вместе с остальными ламаистами находились до 24 апреля, а после продолжили путь в Лхасу.

•••

30 сентября – 1 октября 2019 года

Дворец Потала. Рынок Баркхор. Йогин из монастыря Драк Йерпа

– Что-то на тебе лица нет, – усмехнулся Ребе, когда я, взяв стакан растворимой бурды, именуемой здесь «кофе», подсел к нему за столик. – Все-таки под ночь разболелся?

– Угу, – только и ответил я, опускаясь на лавку.

Мы находились в кафе гостиницы, более похожем на заводскую столовую. В голове моей царил полный кавардак. Стакан кофе грел руку, и я невольно вспомнил чудесный чай, которым меня угощал тибетолог Андрей в Петербурге.

«И почему он так и не согласился продать мне немного того сбора? Сейчас бы он мне ох как пригодился – мысли прояснить и вообще...»

Мысли о волшебном чае несколько подняли мне настроение, а пара глотков кофе вернули к жизни, и я сказал:

– Уснул под утро, вот и результат, как говорится... на лице.

– А меня поздним вечером «горняшка» достала, ну, я сразу – к Боре, он мне – укол, и все прекрасно.

– Я тоже к нему попал, просто до часу тянул, думал, пройдет...

– Да нет, Боря говорил, что с ней лучше не шутить, болит – сразу колешь, от греха подальше. А вон, кстати, и наш спаситель.

Ребе взглядом указал мне за спину, и я, оглянувшись, увидел Ламу – он неторопливо шел к нашему столику. С губ Бори не сходила ироничная улыбка.

– Ну что, в порядке вы, друзья мои? – спросил он, подступив к столу вплотную.

– Да, – кивнул Ребе.

– Поддерживаю, – сказал я. – Только не выспался. Но к походу в Поталу готов. А как остальные?

– Кто-то ждет в фойе, – ответил Лама. – Кто-то еще не проснулся, похоже. Сейчас выпью с вами кофе и пойдем, посмотрим, что там.

Минут через десять мы уже были в фойе. К тому моменту там собрались почти все – шесть «паломников», Олег и Джимми.

– Кого не хватает? – прищурившись, спросил Ребе.

– Паши нет, – через плечо бросил Лама. – Подняться к нему, может?

По счастью, Павел спустился раньше, чем Боря надумал к нему бежать.

– Опаздываете, – хмуро заметил Олег.

– Извините, будильник выключен был, – буркнул Павел. – Забыл вчера поставить заново...

Олег понимающе кивнул и, окинув взглядом остальных путешественников, сказал:

– Что же, выдвигаемся?

Все закивали.

– Идем, – за всех ответил Лама.

До Поталы добрались быстро, но вот подъем отнял у нас, неподготовленных, немало времени и сил. По случаю 70-летия Народной Республики народа внутри оказалось до ужаса много: сотни китайских туристов образовали десятки очередей, сродни тем, что выстраивались к мавзолею Ленина во времена СССР. От постоянного гвалта закладывало уши; если по пути к дворцу Далай-ламы я еще пытался разобрать, о чем вещает Олег, то, оказавшись на лестнице, ведущей в поднебесные покои, я оставил любые попытки услышать хоть что-то.

– Гляди, как смотрит, – наклонившись к моему уху, сказал Ребе.

Я кивнул: местные монахи и вправду смотрели на посетителей недобро, будто на захватчиков, безо всякого одобрения вторгшихся в их личное пространство.

– Это они только здесь такие, – со знанием дела сообщил Лама. – В других монастырях они поулыбчивей.

– Может, и так, но тут больше на тюрьму похоже, – заметил я. – Или клетку...

Среди обычных прихожан периодически мелькали полицейские мундиры: я предположил, что они, помимо прочего, следят еще и за тем, чтобы никто не снимал дворец на телефон – это было категорически запрещено. Иронично, но при этом на входе свободно торговали гигантскими фотоальбомами Поталы. Стоит ли говорить, что цена была поистине баснословная?

Лестницы меж белых стен привели нас к «красному дворцу», на верхнем этаже которого находились покои Далай-ламы, ныне пустующие. Разумеется, о том, чтобы делать фотографии, и речи не шло: несомые толпой, мы плыли разрешенными коридорами и залами к другому выходу, не в силах никак ускорить процесс.

«В детстве больше всего любил наблюдать за муравьями, поражало, как у них сочетается изящество замысла с тупостью исполнения. Сейчас, наблюдая за людьми, должен сказать, что по параметру «тупость» двуногие дезорганизованные идиоты бьют идиотов шестиногих с разгромным счётом», – усмехнулся голос в моей голове.

И снова я слегка опешил. Все повторилось, как вчера, но если тогда я мог списать странные чужеродные мысли на «горняшку» и сопутствующую мигрень, то теперь просто не знал, чем объяснить эту аномалию.

«Что вообще происходит?»

Но голос не ответил мне. Только мои мысли, мое удивление – и больше ничего.

«Чертовщина какая-то».

– Ну наконец-то, – облегченно сказал Лама, когда мы покинули Поталу и отправились на Баркхор.

Здесь тоже оказалось людно, но иного от рынка и не ждешь. Вообще, изначально Баркхор – это священная дорога, которая опоясывает храм Джоканг. Большинство вновь прибывших

совершают ритуальный обход, называемый кора, вокруг храма, ненадолго задерживаясь у каждой из четырех стоящих по его углам ступ с дымящимися травами. Мне же хотелось просто прогуляться одному.

– Объяснишь Джимми, что я хочу сам пройтись пару часов? – попросил я Олега. – Потом встретимся на этом же месте.

Гид кивнул и, обогнав остальных, подступил к нашему «надсмотрщику» и стал ему что-то втолковывать. Тот, как и положено любому порядочному соглядатаю, хмуро посмотрел в мою сторону, потом отрывисто кивнул и, круто развернувшись, устремился прочь. Поймав мой вопрошительный взгляд, Олег тоже кивнул и пошел следом за Джимми.

Сказать по правде, у меня была еще одна цель, о которой я не хотел лишний раз напоминать нашим провожатым.

– Могу я у вас найти дихрою? – этот вопрос я задавал в каждой лавке и в каждой аптеке, торгующей китайскими пилюлями, но везде получал отрицательный ответ.

«Впрочем, если бы я нашел ее прямо сейчас, чем бы я занимался все оставшееся время?» – шагая вдоль прилавков, усмехнулся я про себя.

Вообще рынок Баркхор мало чем отличался от других восточных рынков. Единственная деталь, которая бросилась мне в глаза, – множество красивых девушек в национальных костюмах. Как выяснилось чуть позже, у тибетской молодежи с недавних пор возникла традиция – фотомодели (или те, кто просто себя таковыми считает) в обязательном порядке делают снимки в национальном костюме на фоне стен древнего города. Подобные кадры либо остаются на их страницах в WeChat⁵, либо выкупаются за приличные деньги турфирмами и используются для рекламных проспектов, презентаций и баннеров – все для того, чтобы привлекать в Лхасу и ее окрестности заветные «25+» миллионов китайцев ежегодно.

– Ну что, нагулялся? – спросил Лама, когда через означенное время мы встретились вновь.

– Ага, – ответил я рассеянно.

– Дихрою не нашел?

– Пока нет.

– А с чего ты вообще решил, что она тут будет? Я, сколько сюда ездил, вообще не помню, чтобы где-то что-то о ней слышал.

– Ну, ты же не искал ее целенаправленно. Ладно, посмотрим. Я и не думал, что все окажется так просто.

Вечером в отеле, когда я, вооружившись планшетом, сел за дневник, в голове была каша. Мне хотелось учесть все важное, но при этом не скатиться в банальность, излагая факты, тысячи вариаций которых живут в интернете. Предложение на экране рождалось и умирало, на смену ему приходило новое, но его после пары прочтений ждала та же участь...

«Написал – стёр, написал – стёр, так, к хуям, день и прошел?».

Палец застыл над планшетом.

«Что же ты такое? Откуда? И почему преследуешь меня?» – спросил я мысленно, но снова не получил ответа.

Выждав еще немного, я все-таки разобрался с записями и, убрав планшет, стал листать фотографии на телефоне, чтобы отсеять неудачные и залить остальные на внешний диск.

«Удивительно, конечно – сейчас камера помещается в отсеке диаметром в несколько миллиметров, а еще сто лет назад для того, чтобы спрятать один из самых современных фотоаппаратов, требовался молитвенный барабан... и это я не говорю про количество снимков – там на каждый кадр расходовалась целая фотографическая пластина...»

Следующим утром состоялся первый официальный выезд – около десяти утра мы отправились в монастырь Драк Йерпа. Яркое светило теплое осеннее солнце, ехать было недалеко, но, учитывая горную местность и то, что прежде мы этим составом никогда не путешествовали

в колонне, я испытывал тревожные предчувствия на этот счет. По счастью, обошлось без фейлов: «паломники» катили уверенно и вполне дисциплинированно. Только раз на серпантине мотоцикл Бори Гринберга чуть занесло, но Лариса, идущая следом, предусмотрительно сбавила скорость, позволив ему вернуться обратно в колонну без особых проблем.

По дороге нам встретился весьма любопытный холм, усыпанный каким-то немислимым количеством разноцветных церемониальных флажков (лунгта). Мы остановились, чтобы сделать несколько снимков.

– Смотри, – сказал Лама, указывая наверх.

Я задрал голову и увидел, что пестрой лоскутной паутиной покрыты все горы в округе.

– Каждый флажок исписан мантрами, – продолжил Лама. – Местные верят, что с помощью ветра и флажков молитвы, прочитанные на вершине горы, поднимаются на небо.

– А цвета флажков? – спросил я. – Они имеют значение?

– Да, разумеется. Каждый обозначает свою стихию: воздух, огонь, вода, земля и облака.

– Облака?

– Облака – это эфир, пространство.

«Когда нехер делать, люди подгоняют действительность под свой шаблон. В итоге вокруг них оказываются сплошные шаблоны, мало общего имеющие с действительностью, но кого ебет этот малоинтересный факт?»

«И снова ты... Что это? Влияние Тибета? Какой-то дух нашел себе слушателя?»

Такое объяснение показалось мне смешным, даже нелепым, но других просто не было, а рассказывать кому-то из спутников, даже Ламе с Ребе, о голосе в голове казалось крайне глупой идеей.

«Еще решат, что я с ума сошел на высокогорье...»

Налюбовавшись холмом и горами, мы продолжили путь в Драк Йерпу. По дороге нам попадались молитвенные ступы – говорят, старые были разрушены во время «культурной революции», приведшей к бегству нынешнего Далай-ламы в Индию в середине прошлого века, теперь же на их месте постепенно возводят новые.

«Вещи, которые живут долгую жизнь, просто живут мертвыми», – тихо заметил голос.

С этим сложно было не согласиться.

Монастырь Драк Йерпа, как оказалось, представлял собой разветвленную сеть пещер для медитаций, соединенных между собой лабиринтом тропинок. Лишь возле самых значимых из этих пещер были воздвигнуты постройки, все остальное скрывалось внутри скал. Оставив мотоциклы на стоянке, мы вслед за Олегом и Джимми отправились на экскурсию.

– И не страшно им тут... – буркнул Дмитрий, проходя мимо меня. – Свалится еще потолок на голову...

Монахам, судя по улыбкам на лицах и блаженным взглядам, было вовсе не страшно. Нас они приветствовали, как давних знакомых, и я невольно вспомнил слова Ламы про разницу в настроении жителей Поталы и иных монастырей. Теперь я склонен был согласиться со старым другом.

– Здесь находятся статуи богини Тары... – приведя нас в одну из пещер, сообщил Олег. – А здесь – зал поклонения Будде Будущего, Майтреи...

В желтом «земляном» свете множества свечей и зажженных фитилей, плавающих в гигантских чанах с растопленным воском, позолоченные статуи казались мистическими созданиями, замороженными в моменте по воле некоего волшебника.

– А здесь, если верить легенде, семь месяцев медитировал известный маг махасиддха Падмасамбхава, – будто прочтя мои мысли, сказал Олег. – Говорят, после этого он обрел небывалую чародейскую силу и смог подчинить себе демонов, которые тогда властвовали в Тибете.

– Сказка, – обращаясь к Дмитрию, хмыкнул Павел.

Он говорил негромко, но Олег все равно услышал и удивленно поднял бровь:

– Вы так уверены? Почему?

Павел от всеобщего внимания немного смутился, но быстро собрался с духом и сказал:

– Я в эту магию вообще не верю. Придумали всякого...

– Зачем тогда было лететь в Тибет? – усмехнулся Боря Гринберг.

Судя по улыбкам других, он озвучил общую мысль.

– Ну... так. Статуи всякие... монастыри... – попытался ответить Павел, но в итоге смолк, не закончив фразы.

Мы достигли лестницы, вырубленной прямо в теле скалы, и поднялись. Наверху находились кельи монахов, в одной из которых жил старейший йогин монастыря Драк Йерпа.

– Мы можем к нему наведаться? – спросил я у Олега.

– Да, конечно, – подтвердил наш гид.

Когда мы вошли, йогин сидел на старом узорчатом ковре в позе лотоса. Ноги его покрывала бордовая мантия – в тон к коврам. Седые волосы, спутанные, похожие на дреды, и кудлатая белоснежная борода украшали его смуглое морщинистое лицо. При этом черные глаза были вполне живыми – такие обыкновенно встречаются у юных студиозов, а не у глубоких старцев. Потрясая худре, йогин поприветствовал нас мантрой:

– Ом-мани-пеме-хунг!

– Таши-деле, – нестройным хором ответили мы с Ламой и Ребе.

Старец улыбнулся, взглядом указал на край коврика рядом с собой.

– Садись, – сказал Джимми, и я опустился рядом.

Йогин окинул меня любопытным взглядом и что-то пробормотал.

– Что он говорит? – спросил я у Джимми.

– Он чувствует, что ты что-то ищешь, спрашивает, что, – помедлив, перевел наш «надзиратель».

Я с уважением посмотрел на улыбающегося йогина.

«Что это? Проницательность или дар, обретенный в медитациях?»

– Скажи ему, что я ищу дихрою, – попросил я. – Вдруг он подскажет, где она?

Джимми перевел. Йогин задумался ненадолго, а потом забормотал что-то неразборчивое.

– Он говорит, что здесь ее нет. Может быть, на востоке... – снова пришел на помощь Джимми.

– Ну, значит, будем искать на востоке, – сказал я.

Мы сделали несколько снимков с йогиним, после чего поблагодарили его и покинули обитель старца.

Когда Олег вывел нас наружу, я увидел, что над скалами стоит столб дыма и кружат стервятники – похоже, там проходили небесные похороны – древний тибетский ритуал погребения. Поприсутствовать на нем было бы интересно, но, судя по всему, идти туда не меньше дня, да и по взгляду Джимми понятно, что он не в восторге от самой идеи присутствия кого-то из нас на этом древнем ритуале: насколько я знал, за подобное туристу грозило 10 лет тюрьмы.

Мигрень, по счастью, больше не возвращалась, но спал я по-прежнему плохо: уснул только под утро, и то с большим трудом. Учитывая, что мы планировали подняться в восемь и пройти 360 км по высокогорью, это не самая лучшая передышка, но что делать: я не собирался подводить команду.

Тем более что коллектив казался – по крайней мере пока – вполне спокойным и деликатным.

•••

Лето 1900 года

Путь в Лхасу.

Нападение разбойников. Чэшой и Ешей

Цыбиков сидел у себя в палатке и по привычке пил излюбленный отвар.

Путники покинули жилище Лон-бо-чойчжона около двух месяцев назад, но Гомбожаб до сих пор часто вспоминал о странных пророчествах чудаковатого отшельника и фразе, брошенной прорицателем во время церемонии в Лабранге. Диковинное слово «дихроя» буквально преследовало востоковеда.

Глоток... еще один...

Мысли, прежде спутанные в клубок, расползаются, чтобы снова слиться в единый стройный поток, но даже ясности ума, которую дарит чудесный отвар, недостаточно, чтобы отгадать загадку прорицателя.

«Дихроя... Что же ты такое?»

Когда Цыбиков набрался смелости и спросил о странном слове Ешей, тот наморщил лоб.

– Что-то такое знакомое, Гомбожаб... но не могу вспомнить. Надо у местных будет поспрашивать. А где ты его услышал?

– Лон-бо-чойчжон его упоминал в разговоре со мной, – нехотя ответил Цыбиков.

– А о чем вы говорили, Гомбожаб? – удивился Ешей.

Гомбожаб на пару мгновений украдкой закусил нижнюю губу. Рассказывать о предсказаниях прорицателя – про обещанную славную жизнь и славную смерть – не хотелось: как отреагирует на подобные слова Ешей? Он, судя по всему, неглуп, и у него обязательно возникнет вполне резонный вопрос – с чего это вдруг бурятскому паломнику пророчить подобное? Отчего именно ему выпадет такая честь?

«Чем меньше каких-то сомнений на мой счет, тем лучше», – решил про себя Цыбиков и, кашлянув в кулак, ответил:

– Он просто расспрашивал о нашей поездке, спрашивал, видел ли я дихрою. Я сказал, что нет, спросил, что это, но Лон-бо-чойчжон не ответил, улыбнулся и ушел.

Услышав это, Ешей огляделся по сторонам и, убедившись, что рядом никого нет, сказал вполголоса:

– Да, Гомбожаб, странный очень был этот Лон-бо-чойчжон. Может быть, и слово это он выдумал?

– Может, и так, – не стал упираться Цыбиков.

Раз Ешей считает прорицателя из Гумбума редкостным чудачком, пусть так оно и остается.

Засим их разговор был окончен.

И вот – время нового привала. Цыбиков пьет чай и размышляет о Лхасе, пытается представить себе этот город в мельчайших деталях, хотя знает о нем лишь чуть – извечная проблема необузданной фантазии. Впрочем, Гомбожабу хватило бы и этого; если бы не шпионская миссия, он бы никогда не решился на этот долгий изнурительный поход.

Взгляд востоковеда, бесцельно блуждающий по комнате, точно усталый путник в поисках ночлега, остановился на молитвенном барабане. Он сослужил ему прекрасную службу в Лабранге, но впереди было еще много испытаний.

«Ах, если кому-то из тибетских солдат придет в голову заглянуть внутрь и обнаружить скрывающийся там секрет!.. По сути, вся моя жизнь заключена внутри этого барабана... Впрочем, есть масса других способов умереть на пути в Лхасу, так что переживать из-за одного лишь фотоаппарата как минимум – глупо, а как максимум – самонадеянно.

Отставив в сторону кружку, Цыбиков оглянулся через плечо и достал из походной сумки книгу Чже Цонкапа «Ступени пути к блаженству». Гомбожабу редко удавалось остаться наедине с самим собой, ведь в палатке помимо востоковеда жило еще несколько паломников.

«И вот он, долгожданный миг одиночества...»

Цыбиков достал из кармана куртки карандаш, открыл книгу на нужной странице (закладок он не держал – все делал по памяти, на всякий случай) и вывел мелко над строками почтенного Чже Цонкапа:

«Нынешний переход дался тяжело, но мы покрыли большое расстояние и значительно приблизились к нашей главной цели – Лхасе...»

Послышался шорох. Цыбиков резко захлопнул книгу и быстрым отточенным движением убрал ее обратно в сумку, после чего обернулся и увидел, что в палатку вошел Ешей. Лицо гостя показалось востоковеду обеспокоенным.

«Не из-за моей суеты ли?» – мелькнула было мысль, но Гомбожаб тут же ее отменил.

– Что случилось? – осторожно спросил он.

– Дашию нездоровится, – хмуро сообщил вновь прибывший.

Цыбиков нахмурился. Он не питал особой любви к Дашию, но успел привыкнуть к нему за месяцы путешествия и, разумеется, зла точно не желал.

– Что с ним? – спросил востоковед, хмуро глядя на Ешею исподлобья.

– Похоже, дело в высокогорье, воздух тут скупой. Бывает такое со многими, но он чего-то прямо белый весь... Думал, может, захочешь навестить, мало ли что...

Последняя фраза – про «мало ли что» – заставила Цыбикова вздрогнуть. Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что столь долгая дорога способна не просто доставить изрядные неудобства путникам, но и лишит жизни кого-то из паломников.

– Да, схожу прямо сейчас, – кивнул Гомбожаб. – Спасибо, что рассказал...

Ешей кивнул и вышел из палатки. Цыбиков глянул в походную кружку – отвара там было уже буквально на пару глотков. Залпом допив остатки, Гомбожаб поднялся и отправился в палатку к Дашию.

Снаружи царил вечерняя прохлада. Согреваемый теплом, которое дарил чудесный отвар, Гомбожаб прошел мимо костра, у которого спали верблюды и грелись дозорные. Пахло похлебкой и подгоревшим варевом. Один из дозорных был занят чисткой револьвера, второй откровенно скучал. Завидев Гомбожаба, он кивнул ему, и востоковед ответил тем же.

«Пока судьба миловала, но мало ли, что может поджидать в ночи...», – бросив взгляд поверх палаток, подумал Гомбожаб.

Сказать по правде, он в детстве дико боялся темноты, и пусть с годами страх немного ослаб, все равно оставалось некоторое беспокойство.

«А здесь, посреди горного плато, мы беззащитны даже для ветра... что уж говорить о дурных людях?»

Чэшой заверял, что местность тут безопасная, однако Ешей, на правах более опытного путешественника, говорил ровно обратное.

«Ладно, будем готовиться к худшему, но верить в лучшее», – решил Цыбиков и нырнул внутрь серой палатки Дашия.

– А, Гомбожаб, – увидев, кто к нему явился, слабо улыбнулся больной.

Он, бледный, лежал под теплым одеялом из овечьей шерсти, но трясся так, будто только что гольшом окунулся в бочку с ледяной водой.

– Что с тобой, Даший? – спросил Цыбиков.

– Минду⁶, – с прежней улыбкой ответил больной. – Кажется, помираю...

– Ну, будет тебе! – нахмурился Гомбожаб. – Это ты сам так решил? Или мемба⁷ сказал?

– Сам... мембу жду только, они все заняты другими, которые посерьезней болеют – лихорадкой там или чем еще... Хотя у меня как бы все сразу. Но хуже всего – голова, и надыхаться никак не могу...

– Ешей говорит, с непривычки такое бывает, мы же все выше поднимаемся с каждым днем, – заметил Цыбиков, желая приободрить спутника. – Так что не хорони себя раньше положенного.

– Не хороню я... не хороню! Просто никогда так паршиво не было, Гомбожаб, – угрюмо сказал Даший.

Улыбка слетела с его лица, как если бы ее и не было, и это будто бы разом состарило беднягу лет на пять.

– Ты знаешь, а я ведь уже пытался попасть в Лхасу, – пробормотал он чуть слышно. – Три года назад доехал до Лабранга уже, но на прошение мое Чжамьян-шанб ответил «нет». И на три года вопрос этот закрыл для меня. Как я тогда расстроился... не могу словами описать. И вот три года вышли, в феврале мы побывали в Лабранге, у ламы, и лама на сей раз позволил мне поехать. Но, видишь, как все получилось...

– Ты обязательно доедешь, Даший.

– А даже если и не доеду, ничего, – неожиданно сказал бедняга. – Значит, это мне и было предначертано.

Цыбиков хотел сказать что-то еще, когда от входа в палатку донеслось:

– Доброго здравия, больной! Гомбожаб...

Цыбиков обернулся – это был лекарь Бадара. Чинно кивнув ему, Гомбожаб отступил от Дашия, чтобы не мешать. Врачеватель опустился на землю рядом с больным и спросил:

– Чего ж с тобой стряслось, рассказывай!

Даший повторил, что уже говорил Цыбикову, и лекарь махнул рукой:

– Не переживай, больной! Лечили мы вещи и похуже. Держи-ка...

Он выудил из-за пазухи бутылку с прозрачным содержимым и протянул Дашию со словами:

– Привстань и выпей изрядно. Это Ара – тибетский самогон. Проверенная вещь.

Больной попытался было воспротивиться, но лекарь смотрел строго, а потом у Дашия не осталось другого выхода, кроме как выпить. Сделав это, он сморщился и вернул бутылку врачевателю.

– Вот, хорошо... – с улыбкой сказал тот, доставая из кармана дри⁸.

– Это тебе зачем, Бадара? – обеспокоенно спросил Даший.

Лекарь, плеснув на лезвие самогоном из бутылки, доверительно сообщил:

– Кровь тебе пушу, чтобы давление снизить. Голова пройдет сразу, задышишь опять...

Давай руку.

Даший нехотя позволил взять себя за запястье. Врачеватель тут же ловко вывернул больному руку и сделал надрез с внутренней стороны локтя, после чего, не обращая внимания на тихое шипение бедняги, достал из кармана чистую тряпицу, полил ее самогоном и, положив на рану, сказал:

– Подержи согнутой пока.

Даший, кривясь, кивнул.

Вдруг снаружи послышались чьи-то приглушенные возгласы.

– Что там такое? – тихо осведомился Даший.

Хворь истощила запас его сил, но глаза были по-прежнему живы – зрачки замечались по своим белесым темницам, за красными решетками лопнувших капилляров.

Лекарь тоже смотрел на востоковеда встревоженно, и окровавленный нож, которым он делал надрез на руке Дашия, навел Цыбикова на крайне нехорошие мысли.

– Лежи спокойно, – тихо, стараясь, чтобы голос его не дрожал, сказал Гомбожаб. – Я выгляну наружу.

Он поднялся, быстрым шагом подошел к выходу из палатки и осторожно выглянул наружу. При этом рука Цыбикова лежала на кобуре – он подозревал неладное...

...И, как оказалось, не зря.

Загромыхали в тиши ночной выстрелы, гулким эхом понеслись по долине, ничем не сдерживаемые. На дальнем конце лагерь мелькали темные силуэты всадников. Судя по крикам

путешественников, это были грабители, решившие напасть на стоянку каравана под покровом ночи. Перемазанные сажей бока лошадей только подтверждали эту догадку. Паломники отбивались, как могли, благо, они явно превосходили разбойников числом. Сверкали клинки, отражая яркое пламя костра; люди кричали от боли, кричали от ярости, кричали от страха.

«Что же за вечер, что же за ночь...»

Лоб Гомбожаба в момент покрылся испариной. Разрываясь между страхом смерти и желанием помочь своим, он провел несколько долгих мгновений абсолютно неподвижно, словно статуя самому себе. Когда же наконец, собравшись с духом, Цыбиков все же заставил себя отправиться к месту кровопролитной схватки, разбойники уже бросились врассыпную – видно, запоздало поняли, что позарились на слишком большой «кусок». Один из негодьяев – вот ведь невезение!.. – понесся в том направлении, откуда шел востоковед. Внутри у Гомбожаба все похолодело.

«Нельзя... Лхаса... миссия... должен».

Собрав волю в кулак, Цыбиков вытащил из кобуры под мышкой револьвер и направил его на наездника. Тот был вооружен только саблей, но размахивал ей проворно, со знанием дела.

«Должен... должен...» – эхом гремела в голове Гомбожаба лаконичная мысль.

Подняв руку с револьвером, Цыбиков прицелился, потом, как учили, выдохнул и спустил курок.

Он понял, что попал, когда разбойник вскричал и, выронив саблю, завалился набок. Левая нога, вывернувшись, застряла в стремях, и напуганная лошадь пронеслась мимо Цыбикова, волоча убитого наездника по земле. Гомбожаб проводил скакуна рассеянным взглядом, потом, спохватившись, бросился к месту трагедии. Револьвер с дымящимся дулом востоковед крепко держал в руке.

К тому моменту, как Цыбиков достиг места трагедии, выжившие разбойники уже улетали в ночь и растворялись во мраке, точно сахарные крошки в густом, крепко заваренном чае. Впрочем, востоковед если и думал об этом, то недолго, потому что у него моментально заложило уши от гомона, причитаний и жалобных стонов, которые отчего-то звучали громче самых истошных криков. Много раненых, несколько убитых... Поначалу Цыбиков не понимал, где бандиты, а где – его спутники. Шагая наугад, чудом не запинаясь о тела, разбросанные по земле, востоковед брел по расплывающейся от крови земле, пока кто-то слабо не позвал его:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.